

М. ДЖОНСОН

«ЛАЙФ», НЬЮ-ЙОРК.

ЕИ УЖЕ было девятнадцать лет, когда она узнала о том, что у нее есть сестричка. Однако девушки быстро наладили отношения... Теперь Бёрнис Миракл впервые раскрывает перед посторонними свой семейный альбом. И так, американская легенда языком фактов.

Бёрнис Миракл, женщина с приятным на слух именем и с не менее приятной внешностью, большую часть прожитых лет избегала встреч с прессой. Фотографы выслеживали ее дома и на работе; ей даже пришлось возвести высокий забор вокруг дома и постоянно менять номер своего телефона, хотя он не внесен ни в один телефонный справочник. Когда газетчики установили наблюдение за бассейном, в котором Бёрнис занималась плаванием, этот вид спорта пришлось просто бросить. Многие годы ее муж Парис Миракл обманывал репортеров — сообщал, что она умерла или переехала в Иерусалим. Но для самой Бёрнис скрывать информацию об отношениях с сестрой было делом вполне серьезным. Ведь после каждого их разговора Мэрилин Монро брала с Бёрнис обещание никому ничего

свительно спала с женатыми мужчинами, но не хочется вновь выслушивать сейчас эти скандальные истории. Она продолжает смотреть на легендарную актрису глазами любящей сестры. А знаменитая сексуальная походка Мэрилин? Это из-за того, что у нее одна нога была короче другой. У Бёрнис — тоже.

Росли они порознь. Они даже не знали о существовании друг друга, пока Мэрилин — точнее сказать, Норме Джейн — не исполнилось двенадцать лет. Но и после этого должны были пройти еще целых шесть лет, прежде чем они встретились.

Мы чувствовали себя более близкими, чем сестры, потому что никогда не воевали друг с другом, как это часто бывает между детьми, растущими в одной семье.

Общей у них была только мать, Глэдис Бейкер, у которой забирали детей совсем маленькими. Бывший муж украл у нее Бёрнис, когда той было всего три годика, и растил ее сам в Кентукки. Бёрнис получила письмо от матери, когда ей уже исполнилось девятнадцать. На конверте стоял обратный адрес — больница штата. Письмо было нелепым и сумбурным, его писал человек, находящийся на грани нервного срыва. Но из него ясно следовало: у Бёрнис есть маленькая сестренка.

Первый срыв у Глэдис, которую второй муж тоже покинул, произо-

Бёрнис Миракл, старшая сестра Мэрилин Монро. Так могла бы выглядеть «звезда» Голливуда, доживи она до 74 лет.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРШЕЙ СЕСТРЫ

За рубежом. — 1994. — 27 мая — 2 июня (№ 21). — С. 14 — 15.

Когда Мэрилин была юна и невинна

не рассказывать. И та хранила молчание более пятидесяти лет.

После смерти Париса (а умер он четыре года назад) их дочь Мона Рей 54 лет, библиотечкарь и бывшая учительница английского языка, взялась записывать воспоминания своей матери. Их книга «Моя сестра Мэрилин» выходит из печати в июне.

— Бог милостивый наконец сподобил меня на ее создание, — говорит Бёрнис. — Если бы Мэрилин была жива, я знаю, она сказала бы: «Давай, милая, действуй!».

Конечно, именно так сказала бы. «Моя сестра Мэрилин» — это встреча, десятилетия спустя, с доброй, талантливой, любящей девочкой, которая, как говорит Бёрнис, «никогда не приносила никаких неприятностей».

«ЭЛЬ-АЙ-ЭС»

БЁРНИС живет в Гейнсвилле, штат Флорида, на маленькой улочке под сенью гигантских дубов, поросших бородатым мхом. Ее дом обставлен мебелью стиля 1950-х годов «датский модерн». Шторы почти всегда закрыты. Сестра Мэрилин Монро — это красивая, изящная и чрезвычайно эмоциональная блондинка, которая часто плачет. Плачет даже тогда, когда вспоминает голос Мэрилин. Лицо у нее «сердечком», а волосы образуют на лбу «вдовий треугольник» (примета, предвещающая раннее вдовство) — в общем, все как у ее знаменитой сестры. Несмотря на то что Бёрнис уже 74 года, когда она опускает руки в карманы своего белого кардигана и съезжается, то становится похожей на маленькую беззащитную девочку. Так, наверное, выглядела бы Мэрилин Монро, доживи она до 74-х.

Вместе с тем, если Мэрилин Монро была существом до чрезвычайности сексуальным — она могла позировать нагой, а однажды даже, давая интервью, принялась расчесывать волосы внизу живота, то Бёрнис отличается большой застенчивостью и требует, чтобы репортер выключал свой магнитофон каждый раз, когда она собирается сказать слово «задница». Она никогда не произносит слово «lies» («вранья»), а говорит его по буквам: «Эль-ай-и-эс».

— Когда я была маленькой, меня учили никогда и никогда не называть лжецом, — поясняет она. — И я до сих пор не могу выговорить этого слова.

Впрочем, для тех, кто дурно обошелся в свое время с ее сестричкой, недобрые слова у нее находятся, хотя она слишком хорошо воспитана, чтобы вдаваться в скандальные подробности. Стоит спросить ее, правда ли, что Мэрилин раз двенадцать делала аборт, что она была в любовной связи с братьями Кеннеди, Вобби и Джеком, а также с Ивом Монтаном, как Бёрнис тут же содрогнется с отвращением. Ей известно, что Мэрилин дей-

Норма Джейн в 17 лет; она же — 20-летняя фотомодель; она же — 27-летняя кинозвезда Мэрилин Монро.

шел, когда Норме Джейн минуло восемь лет. Диагноз — шизофрения. Последующие десять лет своей жизни она провела в психиатрических лечебницах. Сначала Норме Джейн воспитывалась в разных семьях и в детском доме, а потом ее взяла к себе подруга матери.

В конце тридцатых — начале сороковых годов не так-то просто было пересечь всю страну даже для того, чтобы познакомиться с давно потерянной сестрой. Норме Джейн вышла замуж за своего соседа Джима Догерти, когда ей было шестнадцать лет. На их свадьбе, как и на всех последующих свадьбах Мэрилин Монро, Бёрнис побывать не удалось. Но сестры часто переписывались, все лучше узнавая друг друга. «Между прочим, — писала в 1944 году своей сестре Бёрнис Норме Джейн аккуратным почерком без наклона, — ты хоть помнишь маму-то?» После того как ее жизнь резко изменилась, изменился и почерк. Он как-то сразу стал крупным и размашистым, а в 1948 году изменился и сам тон писем: «Я ничего не знаю о матери и никогда ей не пишу. Единственное, что мне известно, — сейчас она находится где-то в Орегоне. Но где точно, не имею понятия. Никакой близости между нами, похоже, нет, и в том не виновна ни она, ни я...»

Встретились сестры только в конце 1944 военного года. Обе тогда работали на оборонных предприятиях: Бёрнис — в Детройте, Норме Джейн — в Лос-Анджелесе. Они сидели на диване в запущенной детройтской трех-

комнатной квартире, вытянув босые ноги. Обнаружилось, что у обеих средние пальцы длиннее больших. Дочь Бёрнис Мона Рей, которой в то время было пять лет, также унаследовала эту странную особенность, что послужило поводом для бурного веселья.

Как говорит Бёрнис, они сразу же полюбили друг друга, а Мона Рей вообще пришла в дикий восторг от своей тетки. Это было прекрасная встреча. Вспоминая те времена, Бёрнис сейчас говорит, что Норме Джейн была хорошенькой, но ничто не предвещало того, что она однажды произведет фурор, промурлыкав «С днем рождения, господин президент!». Почувствовав себя неловко в чьем-нибудь присутствии, она даже начинала заикаться. И она была так же бедна, как и Бёрнис. Бёрнис вспоминает, как они однажды, не имея ни гроша в кармане, пошли по магазинам. Норме Джейн тогда остановилась у рулона синтетической ткани, потрогала его рукой и тоскливо произнесла: «А на ощупь — настоящий шелк».

Сестра как раз делала Норме Джейн маникюр, когда та призналась, что после десятилетнего перерыва все-таки навестила мать в лечебнице, о чем потом сама же и пожалела.

Два года спустя Бёрнис собрала все свои сбережения и полетела с Монай Рей в Калифорнию. Очень хотелось познакомиться с матерью и Нормой Джейн, которая к тому времени подписала контракт с компанией «XX век — Фокс» и уже могла многим похвастаться. Норме провела ее тай-

ком на территорию киностудии, показала свою кинопробу, потом угостила в буфете. После чего уговорила своего гримера поработать над лицом Бёрнис. Правда, идея сделать из родинки «мушку» на лице (такую же, как у Нормы) принадлежит самой Норме, а не гримеру. Позднее, когда Бёрнис жила во Флориде, она как-то разрядилась в пух и прах и покрасила родинку карандашом для ресниц. Во время совместной прогулки с друзьями ее муж вдруг внимательно посмотрел на ее щеку и воскликнул: «Бёрнис, да ты чем-то испачкала лицо!»

ПОД ВЫМЫШЛЕННЫМ ИМЕНЕМ

НО В ТОТ счастливый период у старшей сестры выдался три месяца, когда можно было полностью отдалиться мечте. Случилось даже, что сестры на пару дали представление. Как-то перед обедом они начали отбивать четку вокруг стола.

— Мы ни с того ни с сего начали танцевать, притоптывая и производя невероятный шум, — вспоминает Бёрнис и слегка краснеет. — Кому-нибудь, наверное, даже показалось, что мы решили развлекать дом.

Сначала одна притопнет, потом — другая, и обе приподнимают воображаемые шляпы.

— Все получилось как-то само собой. Мы не прилагали никаких усилий, а просто веселились, — говорит Бёрнис.

Среди зрителей, присутствовавших на представлении, которые дали сестры, была их мать, незадолго до этого выписавшаяся из лечебницы. Она была одета, как любила, в белую форму медицинской сестры. Той осенью произошел один из редчайших случаев, когда она улыбнулась. Со времени ее нервного срыва навязчивой идеей Глэдис стало христианское учение, в особенности та его часть, где гово-

рится о запрете на лечение лекарствами. Хотя Норме Джейн тоже исповедовала христианство и, как говорит Бёрнис, каждый раз перед сном читала Библию, она часто применяла болеутоляющие средства. Именно Глэдис, которая большую часть своей жизни провела в психиатрических лечебницах, была главной причиной того, что Бёрнис все эти годы пряталась от прессы, а молодая Мэрилин Монро выдавала себя за сироту.

Бёрнис сожалеет, что они с Мэрилин слишком редко виделись. Младшая сестра постоянно и настойчиво приглашала ее к себе, и эта настойчивость возросла после разводов со вторым мужем — Джо Ди Маджио и третьим — Артуром Миллером. Она стремилась к семейной жизни, а Бёрнис была ее единственной близкой родственницей. Но мужу Бёрнис — Парису — не нравилось, когда жена отправлялась в путешествие одна; он «злился, пугался и даже ревновал», думая о том, что его жена где-то там со своей сестрой, которая, как ни посмотри, все-таки была Мэрилин Монро.

— Теперь я думаю, что если бы пришлось начать все сначала, я, наверное, ездила бы к ней чаще, — говорит Бёрнис. — И, может быть, не прожила бы с мужем целых пятьдесят два года.

Но когда в 1961 году Мэрилин удалила желчный пузырь, Бёрнис уехала в Нью-Йорк на две недели. В это путешествие она отправилась, изменив свою внешность и под вымышленным именем, чтобы сблизиться со следом репортеров.

Жили они в квартире, в которой Мэрилин когда-то поселилась с Артуром Миллером. Ее окна выходят на 57-ю улицу. По белому ковру в тени белого рояля Мэрилин бегал белый лохматый пудель по имени Маф (сокращенное от «мафин»), которого подарил Фрэнк Синатра (Бёрнис утверждает, что Фрэнк и Мэрилин не связывали роман, что они были просто добрыми друзьями — «как брат и сестра»). Большую часть времени Бёрнис и Мэрилин провели дома. Старшая сестра за это время сняла Мэрилин пару домашних туфель из махровых сафеток.

— Меня беспокоило, что она все время ходит босиком.

Вызывало ее озабоченность и то,

что Мэрилин постоянно глотала таблетки. Бёрнис пожаловалась врачу, но Мэрилин настойчиво утверждала, что «нуждается в них». Когда сестры поехали в Роксбери, чтобы поведаться с Артуром Миллером, тот угостил их чаем и спросил Мэрилин, продолжает ли она горстями глотать таблетки, на что Мэрилин ответила беззаботно:

— Не так уж и много.

Они опоздали чуть ли не на два часа, выбираясь на дорогу, ведущую в Роксбери, но ничего необычного в этом для Мэрилин не было, она опаздывала всегда.

— Со мной такое тоже иногда случается, — говорит Бёрнис. — Это, наверное, гены. — Не то чтобы Мэрилин хотела досадить кому-то или была невежливой. Это у нее получалось само собой. Но она старалась.

«ОНА МЕЧТАЛА О СЕМЬЕ»

КАК-ТО их навестили Ли и Пола Страсберги, преподававшие Мэрилин актерское мастерство. Когда они ушли, Мэрилин выразила недовольство. Однажды, рассказала сестре Мэрилин, она отдала Ли Страсбергу свои акции компании «Америкэн телефон энд телеграф», чтобы он мог поехать в Японию для изучения кабуки.

— Страсберги в самом деле ей помогли, — говорит Бёрнис, — но ей казалось, что они преследуют корыстные цели.

Как оказалось впоследствии, Бёрнис получила по завещанию Мэрилин 10 тысяч долларов, в то время как Ли Страсберг унаследовал потенциально более важную часть ее состояния — все ее личные вещи и многие другие виды собственности, включая «право на использование ее имени, имиджа и голоса». Ли и Пола уже умерли; большая часть миллионов, полученных от выдачи разрешений на воспроизведение изображения Мэрилин Монро на эстампах, плакатах и тому подобных вещах, перешла к Анне, третьей жене Ли.

Когда Мэрилин умерла, Бёрнис и Парис находились в отпуске, путешествуя на машине без радио. Не успели они вернуться домой, как на столе зазвонил телефон. Тут-то и обрушилась на них новость, уже известная чуть ли не всему миру. Бёрнис сожалеет, что не была дома.

Мэрилин Монро не оставила никаких указаний относительно своих похорон и денег на них. Ее смерть была сенсацией. Несмотря на ограниченный шок, Бёрнис решила ограничить появления своего семейства на публике и полетела в Калифорнию одна.

Джо Ди Маджио помог ей выбрать гроб. С помощью Инес Мельсон, которая была менеджером у Мэрилин, она выбрала для одевания тела умершей зеленое платье. Старшая сестра пыталась избежать встреч с прессой и не знала, кому довериться. Напуганная и оказавшаяся в осаде, Бёрнис наконец позвонила в первую попавшуюся церковь, телефон которой нашла в справочнике, и совсем незнакомый ей священник согласился помочь с совершением всех необходимых формальностей. На пути к моргу священник на минутку свернул на обочину, и они вместе помолчались.

Инес сказала Бёрнис, что та может взять себе Мафу, но прислать собаку так и не успела. Бёрнис могла получить и белый рояль, но у нее не было денег ни на то, чтобы оплатить перевозку, ни на то, чтобы рассчитаться за его многолетнее хранение. Кстати, о рояле. Биографы Мэрилин постоянно путаются в его цвете. В Лос-Анджелесе, когда Мэрилин и Мо-

Рей играли на нем «Собачий вальс», рояль был черным. Перекрасили его только после переезда в Нью-Йорк, когда Мэрилин занималась косметическим ремонтом квартиры, чтобы угодить Артуру Миллеру и сделать их брак счастливым.

Бёрнис сожалеет, что износила большинство платьев, которые ей присылала сестра. Она отложила на память лишь несколько роскошных нарядов, но перекроила первое подвенечное платье Мэрилин для Моны, когда та собралась на свое первое свидание. Она все еще хранит несколько платьев для беременных, которые носила сестра, — обычные модели конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Мэрилин не родила ни одного ребенка, зачатого с Артуром Миллером.

Мэрилин Монро всегда завидовала Бёрнис и Парису, прожившим долгую совместную жизнь. Они напоминали ей Симону Синьоре и Ива Монтана.

— Она так мечтала о собственной семье, — говорит Бёрнис, — вытирая слезы.

Монро Мэрилин

465948